

А. Скринъ.

(А. В. Скрипичинъ).

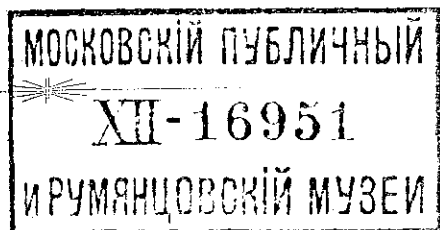
68-й Лейбъ-пѣхотный Вородинскій

Императора Александра III

ПОЛКЪ.

68-й Лейбъ-пѣхотный Вородинскій
Императора Александра III полкъ.

Издание журнала „Вѣрность“.

МОСКВА.

1912 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.

Императоръ Александръ II
Шефъ полка
съ 26 августа 1839 года.

Императоръ Александръ III
Шефъ полка
съ 26 февраля 1874 года.

68-й Лейбъ-пѣхотный Вородинскій
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III полкъ.

I.

Лейбъ-Вородинскій славный полкъ
Извѣстенъ доблестью отмѣнной,—
Онъ честно несъ солдатскій долгъ
И голосъ славы не умолкъ
О немъ въ исторіи военной...
Когда жъ и какъ былъ созданъ онъ?
Былъ полкъ Московскій Гарнизонный,—
Въ тотъ день, когда Наполеонъ.
Вступалъ въ Москву, былъ долженъ онъ
Ее оставить, гнѣвъ законный
Кипѣлъ въ сердцахъ его солдатъ,
Врага мечтательныхъ встрѣтить боемъ,
Но былъ приказъ: Престольный градъ
Оставить и идти назадъ,
Квартиры главной ставъ конвоемъ.
И полкъ ушелъ... Наполеонъ
Рѣшилъ: въ Москвѣ—конецъ похода...

Но вновь отпоръ встрѣчаетъ онъ,—
Горитъ Москва, и пораженъ
Онъ гнѣвомъ Русскаго народа...

Пришлось французамъ отступать,
И тяжекъ путь былъ отступленья...
Гостей незваныхъ таить рать...
Пришлось французу испытать,
Что значитъ часъ ужасный мщенья...

Московскій полкъ другимъ полкамъ
Давалъ солдатъ для пополненья
И, хотъ въ бою онъ не былъ самъ,
Его солдатамъ—молодцамъ
Пришлось извѣдать пыль сраженья.

Полкъ гарнизоннымъ былъ, но вотъ,—
Въ году тринадцатомъ приказомъ
Былъ раздѣленъ онъ, въ этотъ годъ
Онъ русской арміи даетъ
Не полкъ одинъ, а два ихъ разомъ,—

Одинъ Тарутинскій, другой
Сталъ Бородинскимъ,—оба въ силахъ
Вступить съ врагами были въ бой
Нашъ полкъ былъ первымъ, имъ герои
Тогда командовалъ Шатиловъ.

Нашъ Бородинскій новый полкъ
Имѣлъ составъ неполный въ ротахъ...
Грозы военной громъ умолкъ,
Но трудъ тяжелый несъ весь полкъ
На государственныхъ работахъ:

Шоссе, дороги строилъ онъ,
Въ Клину имъ вырыты каналы,
Но полкъ трудомъ не утомленъ,
Съ работы съ пѣней ходитъ онъ,—
И хвалятъ полкъ всѣ генералы...

II.

Но вотъ объявленъ былъ походъ...
Подъ мѣрный рокоть барабаловъ,
Мы на Кавказъ пошли въ тотъ годъ;
Нашъ Бородинскій полкъ ведетъ
Въ походъ отважный Киприатовъ...

Пришелъ полкъ въ городъ Ахалцихъ,—
Солдатъ усталъ, но смотритъ смѣло,
А врагъ, въ бою хотъ больно лихъ,
Тутъ, будто на зло намъ, притихъ,—
Стоитъ полкъ въ городъ безъ дѣла...

Незваной гостей—вдругъ чума,
Недоставало намъ кручины,
Людей тогда погибла тьма,
Хотъ бой бы былъ, а то дарма,
Пришлось занять намъ карантинъ...

Терпѣли долго,—вдругъ приказъ,—
Идти въ Аджарію на дѣло...
Собралися полкъ въ единый часъ...
Идемъ,—враги не кажутъ глазъ,
Вся мѣстность будто опустѣла...

Забрались въ горы,—нѣтъ пути,
Не занимать полку отваги,
Сумѣлъ и пушки провезти,
Хотъ, что ни шагъ,—орломъ леги,—
Кругомъ ущелья да овраги...

И вдругъ среди отвѣсныхъ скалъ—
Аджарцевъ грозная засада...
Тяжелый часъ для насъ насталъ,
Съ высотъ насъ пулей врагъ встрѣчалъ,
Легло на мѣстѣ полъотряда...

Но все жъ недолго длился споръ,—
Для Бородинцевъ пѣтъ преграды,—
Двѣ роты на вершины горъ
Взлетѣли, кончель сразу споръ,—
Въгуть Аджарскіе отряды...

Хоть врагъ бѣжалъ, но каждый день
Въ ущельяхъ насъ тревожитъ боемъ
Мелькнетъ и скростся, какъ тѣнь,
Лови его кому не лѣнь,
Усталъ солдатъ, хоть былъ героемъ..

Пошли обратно... Въ тотъ же годъ
Опять въ Аджарію ходили,
Но неудаченъ былъ походъ,
Аджарцы сильный былъ народъ.
Мы били ихъ, но не сломили...

Вернулись снова,—но безъ дѣлъ
Полкъ Бородинскій не остался,—
Кавказецъ былъ и гордъ и смѣлъ,
Знать власти русской не хотѣлъ
И намъ вредить во всемъ старался;

Лихой мюридъ Кази Мулла
Смутилъ аулы Дагестана,
Поддержку чечня имъ дала...
Въ горахъ рѣдѣла ночи мгла
Подъ грозный рокоть барабана...

Для русскихъ бой уже не новъ
На склонахъ горныхъ исполиновъ,
И Бородинскій полкъ готовъ
Идти въ числѣ другихъ полковъ...
Ведутъ ихъ Розень, Вельяминовъ...

И видѣлъ въ тѣ года Кавказъ
Лихіе подвиги солдата,—
Не все они дошли до насъ,

Но тамъ гремѣлъ о нихъ разказъ
Среди мюридовъ газавата...

Прошелъ въ войнѣ тридцатый годъ
А въ тридцать первомъ, по приказу,
Назадъ, въ Россію полкъ идетъ,
Оставивъ память въ этотъ годъ
О русскихъ дикому Кавказу...

III.

Пришли къ Рязани, стали тутъ.
Для Бородинцевъ громъ сраженья
Милый покоя, но идутъ
Они не въ бой съ врагами тутъ,
А на маневры да ученья...

Весною ранней каждый годъ
Москва, для службъ гарнизонной,
Къ себѣ полкъ Бородинскій ждетъ...
Отбудетъ сборъ онъ и идетъ
Назадъ походною колонной.

Прошло два года, подъ Москвой,
Для пополненія состава,
Въ полкъ влить былъ полкъ еще другой,
Полкъ Егерскій двадцать седьмой,
Полкъ, знавшій, что такое—слава.

Гренгамеръ—славный ученикъ
Вождя Суворова на дѣло
Велъ первымъ полкъ и полкъ привыкъ
Любить свой славный русскій штыкъ
И имъ рѣшалъ сраженья смѣло.

Онъ изъ Тамбовскаго полка
Въ седьмомъ году былъ сформированъ
И слава новаго полка

Летѣла къ намъ издалека,—
 Къ Дунай-рѣкѣ онъ былъ прикованъ;
 Не годъ тогда, а цѣлыхъ пять
 Мы на Дунаѣ оставались,
 То насѣдала турокъ рать,
 То мы, отбросивъ ихъ, опять
 Черезъ Дунай переправлялись...
 Войсками вѣдалъ Михельсонъ,
 Князь Прозоровскій—старый воинъ,
 Его смѣнилъ Багратионъ,
 Потомъ Каменскій юный, онъ
 Былъ лучшей участи достоинъ,
 Но этотъ пылкій генераль,
 Предъ тѣмъ легко разбившій шведа,
 Съ войною медлить не желалъ
 И потому въ просакъ попалъ,—
 Съ трудомъ ему далась побѣда.
 Рѣшилъ онъ крѣпость взять Руцукъ,
 Врага мечталъ прикончить сразу,
 Не звалъ онъ сколько тяжкихъ мукъ
 Доставить крѣпость намъ Руцукъ.
 Пошли мы, вѣрные приказу...
 Сердитый турки были народъ,
 Не испугались съ нами встрѣчи,—
 Для егерей лишь путь—впередъ,
 Гренгамеръ храбрый ихъ ведетъ,
 Объ отступленѣ нѣтъ и рѣчи...
 Хоть съ каждымъ шагомъ таетъ полкъ,
 Но, дорожа своимъ мушкетромъ,
 Несетъ военный съ честью долгъ
 И грустно въ этой битвѣ полкъ
 Съ своимъ простился командиромъ,—
 Гренгамеръ раненый упалъ,
 Вокругъ него солдаты пали,

И нашъ Гренгамеръ въ плѣнъ попалъ...
 Тутъ самъ Каменскій генераль
 Чуть не заплакалъ отъ печали...
 Отбили турокъ, какъ ни какъ
 Руцукъ пришлось брать осадой.
 Прошло два мѣсяца и врагъ
 Намъ сдался, крѣпость—не пустякъ,
 Была за муки намъ наградой.
 Предъ сдачей шелъ за боемъ бой
 Узналъ врагъ русскаго солдата,
 Мы турокъ славы боевой
 Лишили, давъ имъ грозный бой
 Среди болотъ, у Калафата.
 Въ тотъ разъ Пантениусъ водилъ
 Полкъ егерей, искавшихъ боя,
 И полкъ, хоть выбился изъ силъ,
 Но туркамъ страшно отомстилъ
 За плѣнъ Гренгамера-героя...
 Каменскій умеръ,—довершать
 Дѣла прибылъ Кутузовъ старый...
 Вдругъ турки видятъ,—русскихъ рать
 Уходить, стала отступать...
 Въ догонку рвутся янычары...
 И визирь шлетъ впередъ полки
 И за Дунай плти рѣшился...
 Въ обходъ—Кутузовъ... У рѣки
 Зажалъ онъ визиря въ тиски,
 И тотъ въ ловушкѣ очутился...
 Онъ миръ готовъ принять отъ насъ
 И русской мудрости дивится:
 —Какъ не имѣлъ я раньше глазъ.
 Поймалъ меня на этотъ разъ
 Кутузовъ—старая лисица.

И миръ былъ скоро заключенъ,
Его мы ждали съ нетерпѣньемъ,
Давалъ воиска Россіи онъ
Въ тотъ годъ, когда Наполеонъ
Грозилъ ей страшнымъ разрушеньемъ.

И отъ Дунайскихъ береговъ
Сибшитъ на родину Кутузовъ...
Ставъ во главѣ лихихъ полковъ,
Онъ встрѣтитъ съ арміей готовъ
Наполеона и французовъ...

IV.

За честь Россіи и Царя
Сражаться шли воиска съ Дуная...
Всходила свѣтлая заря,—
Москва сдалась врагу не зря,
А твердо участь вражью зная,—

Ея пожаромъ пораженъ,
Наполеонъ не шцетъ боя,
Въ смущеньѣ мира жаждетъ онъ
И, къ отступленью принужденъ,
Онъ лавры снялъ съ себя героя.

Бѣжить... Дунайскія воиска
Спѣшать въ Россію съ Чичаговымъ,—
Идутъ,—граница далека...
Но вотъ Березина—рѣка
Даритъ и ихъ успѣхомъ новымъ,

Здѣсь полкъ съ Пантеніусомъ вновь
Готовъ въ сраженьѣ отличиться,
Влечетъ его впередъ любовь
Къ Царю и къ родинѣ и кровью,
Пролить въ бою онъ не боится.

Студянка здѣсь и Стаховъ лѣтъ
Дарятъ полкъ Егерскій побѣдой,
Французской славы блескъ исчезъ,
Пришельцамъ страшный гнѣвъ небесъ
Сулитъ несчастія и бѣды...

Въ отрядѣ Чаплица ведетъ,
Забывшій отдыхъ и палатки,
Полкъ славный Егерскій впередъ
Лихой Палтеніусъ,—и вотъ,
Почти конецъ всемирной схватки....

Уходитъ маршалъ прочь Викторъ...
Подъ Вильной—бой и дымъ пожара...
Послѣдній заппъ врагу въ упоръ...
Граница.... Но не конченъ споръ,—
Врагъ долженъ ждать еще удара;

Незваннымъ гостемъ онъ пришелъ
И занялъ русскую столицу,—
На Русскій мѣтилъ онъ Престоль...
Мы—званнымъ хлѣбъ и соль на столъ,—
Незванныхъ просимъ за границу...

Проводимъ съ честью... Въ этотъ разъ
Французъ считалъ границу ближе,—
Всю Русь хотѣлъ онъ взять у насъ,
И отдалъ Русскій Царь приказъ:
Войну закончить лишь въ Парижѣ.

Берлинъ, Парижъ ли—все равно,
Приказъ,—какія тутъ сомнѣнья.
Солдату думать не дано,
А будетъ то, что суждено...
И снова грянули сраженья...

Мы осадили Торнь кругомъ
На удивленіе Европы,—
И здѣсь Пантеніусъ съ полкомъ

Ходилъ въ атаку и штыкомъ
Полкъ взялъ французскіе окопы.
Дарить тринадцатый насъ годъ
Успѣхомъ чужь ни въ каждомъ боѣ,
Подъ Дрезденъ полкъ шутя идетъ,
А ужъ подъ Гамбургомъ лишь ждетъ
Конца войны онъ на постоѣ.

И вотъ—приказъ,—идти назадъ.
Лихая пѣсня раздается,
Хоть битвѣ полкъ съ врагами радъ,
Но дома ждетъ свой русскій братъ
И къ дому сердце страстно рвется...

Пришли... Идетъ за годомъ годъ...
Какъ разъ въ году двадцать девятомъ
Приказъ полку,—идти въ походъ,
Кавказъ полкъ Игерскій зоветъ
Къ себѣ на бой, грозя булатомъ...

И здѣсь, неся свой честно долгъ
Съ врагомъ Россіи грозно споря,
Хотя въ сраженьяхъ зналъ онъ толкъ,
Не зналъ Кавказа славный полкъ,
Извѣдалъ онъ не мало горя...

Здѣсь бой не только бой съ врагомъ,
Но бой съ природой, бой съ горами,
Овраги, пропасти кругомъ,
Здѣсь врагъ стоялъ передъ полкомъ,
Укрытый горными лѣсами...

Полкъ доставалъ врага морой,
Нуть прочищая топорами,
И въ рощахъ шель жестокой бой,
И злой мюридь трубилъ отбой,
Гонимый русскими штыками.

Полкъ съ Бородинскимъ здѣсь полкомъ
Работалъ вмѣстѣ... Подъ Москвою

Они опять сошлись потомъ
И стали тамъ однимъ полкомъ,
Полкомъ со славой боевою.

V.

Насъ пятьдесятъ четвертый годъ
Дарить войной на югѣ лютой,—
Европа насъ на бой зоветъ,—
Подъ Севастополь полкъ идетъ
Съ вторымъ Веревкинскимъ—Шелютой...

Веревкинъ—воинъ, хоть куда,
Врага подъ Альмой встрѣтилъ смѣло,—
Враговъ явилось къ намъ сюда
Такая сила, что бѣда,
Лихое было это дѣло...

И англичанинъ и французъ
На насъ атакою ходили...
Не по плечу достался грузъ,
И не большой намъ былъ конфузъ,
Что мы подъ Альмой отступили...

Подъ Севастополемъ стоялъ
Нашъ полкъ, сгорая отъ досады,
Въ года былые не смущалъ
Его атаки грозный валъ,
А тутъ терпи, лишь гнетъ осады...

Бомбардировки страшный громъ,
Обстрѣлъ позицій полкъ встрѣчаетъ,
Какъ только должное, и днемъ
Стоитъ спокойно подъ огнемъ,
Лишь—ночь,—о вылазкѣ мечтаетъ...

Герой Тотлебенъ говорилъ:
— Нѣтъ, Бородинцевъ гнетъ осады
Еще совѣмъ не утомилъ...

Полны энергии и силы
У нихъ охотниковъ отряды!
Чуть ночь,—на вылазку снѣшать...
И на англійской батарее
Напѣ такъ хозяйничать солдатъ,
Что непріятель самъ не радъ
Быль Севастопольской затѣвѣ...

Стоитъ сентябрь ужъ на дворѣ,
Полкъ не дожидетъ, ждетъ работы...
Засѣлъ союзникъ на горѣ,
И вотъ приказъ намъ: на зарѣ—
— На Инкерманскія высоты!

Ужасный день... Семьсотъ солдатъ
Оставилъ полкъ на мѣстѣ боя...
Убитъ Веревкинъ... Врагъ былъ радъ,
Что восемь выставилъ солдатъ
На одного врага-героя.

Мы батареи англичанъ
Въ тотъ день не разъ атакой брали...
Но подымался вражій станъ,
Трепалъ французскій барабанъ,—
И мы лишь силѣ уступали.

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ,
Отъ Севастопольской осады
Остался вѣчный славный слѣдъ,
Намъ даже цѣлый рядъ побѣдъ
Не могъ бы дать такой награды,—

Здѣсь шель неравный, грозный споръ
Отваги съ долгомъ противъ силы...
Насъ побѣдили, но позоръ
Не насъ коснулся... Этотъ споръ
Намъ далъ лишь славныя моменты.

VI.

Прошло полгода,—полкъ попалъ
Въ отрядъ Чоргуновскій,—здѣсь съ врагами
Большихъ сраженій полкъ не зналъ,
Но только августъ лишь насталъ,
Полкъ оцетинился штыками.

На Черной рѣчкѣ грянулъ бой...
Здѣсь тѣма враговъ на насъ настѣла,
Но въ этой битвѣ роковой
Липитъ насъ славы боевой
Судьба жестокая не смѣла,—

Лощина, ровъ, кусты, оврагъ
Врагомъ бралися только съ боя...
Мы отступали,—каждый шагъ,
Въ томъ сознавался даже врагъ,
Дарила насъ славою героя...

Полковникъ нашъ Раковичъ—хватъ
Передъ врагомъ не растерялся,
Онъ смѣло велъ впередъ солдатъ,
Когда жъ пришлось идти назадъ,
Последнимъ въ полѣ оставался...

Отъ дыму нашъ солдатъ былъ сѣръ
Мы потомъ кровью обивались...
Являя доблести примѣръ,
И рядовой и офицеръ,
Какъ львы съ французами сражались.

Въ полку солдатъ былъ Шелкуповъ,
Какъ разъ во время отступленья
Онъ видитъ, что среди враговъ
Нашлось пять, шесть такихъ головъ,
Что ищутъ вовсе не сраженья,

Но тамъ, гдѣ раненый солдатъ
Упалъ, не въ силахъ шевельнуться,
Они ужь рядомъ,—гаснетъ взглядъ,
Страдаетъ раненый солдатъ,
Они жь надъ раненымъ смѣются...

И, обобравъ его, затѣмъ
Безъ сожалѣнья добиваются,
Убитый, молъ, и глухъ и пѣмъ,
Онъ не расскажетъ послѣ всѣмъ
Того, о чемъ они лишь знаютъ...

И вотъ такихъ-то молодцовъ,
Что рыщутъ по полю волками,
Матвѣй замѣнилъ Щелкуновъ,
Онъ обернулся, онъ готовъ
Еще помѣряться съ врагами...

На землю онъ ружье кладетъ
И, представляясь дезертиромъ,
Къ врагамъ навстрѣчу самъ идетъ,
Спокоенъ врагъ, бѣды не ждетъ,
Но Щелкуновъ пришелъ не съ миромъ...

Схвативъ ружье чужое, онъ
Имъ бьетъ налево и направо,
И врагъ, какъ громомъ пораженъ,
Бѣжитъ, испуганъ и смущенъ
Столь неожиданной расправой.

Собравъ пять ружей, Щелкуновъ
Вывалилъ товарища на плечи,
Что ждалъ ужь смерти отъ враговъ,
И, отступить теперь готовъ,
Съ врагомъ не ищетъ больше встрѣчи...

Здѣсь Бородинцемъ молодцомъ
Онъ показалъ себя, примѣра
Такого не было потомъ,

И награжденъ онъ былъ крестомъ
И званьемъ унтеръ-офицера.

VII.

Опять осады тяжкой ильбнѣ...
Но силы нѣтъ ужь для защиты
Оконовъ и развалинъ стѣпъ,
Не ждемъ мы въ счастье перемѣнъ...
Враги и тѣ осадой сыты.

Изъ Севастополя герой
Солдатъ нашъ шелъ, ворча сердито:
— Дождался врагъ,—трубимъ отбой...
Ну что жь, иди, братъ, на постой,
Сядишь въ разбитое корыто...

И точно, прежде гордый градъ,
Нашъ портъ-красавецъ Севастополь
Лишь представлялъ развалинъ рядъ...
Такъ точно буря, снѣгъ и градъ
Въ горахъ ломаютъ стройный тополь.

Война кончалась, но пока
Врагъ не ушелъ обратно съ войскомъ
Всѣ роты нашего полка,
На случай высадки врага,
Въ отрядѣ числились Херсонскомъ.

Лишь въ пятьдесятъ седьмомъ году
Обратно полкъ пошелъ изъ Крыма
У всей Европы на виду,
Встрѣчалъ онъ русскую бѣду
Средь волнъ порохового дыма...

Среди волненій и тревогъ,
Въ часы жестокаго сраженья,
Полкъ честно несъ солдатскій долгъ

И вотъ теперь онъ смѣло могъ
Желать себѣ отдохновенья...

Сначала городъ Балашовъ
Стоянкой былъ полку назначенъ
Оттуда въ Тулу... Полкъ готовъ
Пройти хоть сотню городовъ,
Походомъ онъ не озадаченъ.

И ровнымъ счетомъ двадцать лѣтъ
Идетъ лишь мирное ученье...
Зимой—казармы,—солнца свѣтъ
Весной лишь—въ окна, полкъ въ отвѣтъ
Готовить въ лагерь выступленье...

Но мирной жизни тишина
Его собою не прельщала,
Онъ жаждалъ битвъ... Пришла весна...
Но лагерь пусть... Война, война!
Молва стоустая вѣщала.

Походъ на Турцію... Славянъ
На полуостровъ Балканскомъ
Жестоко угнеталъ султанъ,
Въ защиту ихъ нашъ русскій станъ
Раскинуть былъ въ краю славянскомъ.

VIII.

Полкъ въ семьдесятъ седьмомъ году
Былъ двинуть въ Турцію на дѣло
И долженъ былъ имѣть въ виду
Отрядъ одну задачу ту,
Чтобъ помощь туркамъ не успѣла,—

Чтобъ мониторовъ грозный флотъ
Изъ моря Чернаго Дунаемъ
Не могъ пробраться къ нимъ. И вотъ,

Отрядъ нашъ двинулся впередъ,
Своей задачей не смущаемъ.

Все то, что нужно сдѣлать онъ
И, перейдя Дунай, безъ спора
Вступилъ въ Мачинъ... И врагъ смущенъ
Повсюду русскій гарнизонъ
Смѣнилъ турецкій очень скоро.

У Базарджика сталъ отрядъ,
Здѣсь бой за боемъ—не на шутку...
Спокоенъ въ битвѣ нашъ солдатъ
И передъ смертью даже радъ
Сказать со смѣхомъ прибаутку.

Ни жаръ, ни холодъ, ни туманъ
Солдатъ веселья не лишаетъ,—
Былъ крѣпокъ духомъ русскій станъ...
Вдругъ генералъ нашъ Цимерманъ,
Взявъ часть отряда, выстунаеть...

Развѣдку въ Варнѣ думалъ онъ
Произвести отъ турокъ тайно,
Но врагъ не спалъ, или чутокъ сонъ,
Но только къ намъ явился онъ
И золь и смѣлъ необычайно...

Врагъ этой вылазкой лихой
Мечталъ намъ сразу дать острастку.
Подъ Базарджикомъ грянулъ бой...
Но русскій нашъ солдатъ—герой
Самъ туркамъ далъ лихую встряску

Вернулся тутъ же Цимерманъ
И свой отрядъ пускаетъ въ дѣло
Шумить, какъ улей, русскій станъ...
Зоветь къ атакѣ барабанъ...

Къ окопамъ роты рвутся смѣло...

И той же ночью Базарджикъ
Намъ предоставленъ для постоя.

Врагъ долго думать не привыкъ,
Увидѣлъ острый русскій штыкъ,
И поспѣшилъ избѣгнуть боя...

Вошли мы въ городъ на зарѣ
И на квартирахъ основались...
Зима стояла на дворѣ, —
Мы городъ взяли въ январѣ
И здѣсь до лѣта оставались.

Межъ тѣмъ въ отрядахъ главныхъ силъ
Конца войны почти что ждали...
Нашъ русскій штыкъ турецкій пылъ
Стальнойю лаской охладилъ
И миръ намъ турки обѣщали.

Чтобъ укрѣпить въ рѣшенѣ ихъ
Нашъ полкъ былъ двинуть къ Варшѣ лѣтомъ,
И врагъ измученный притихъ...
Ваши-бузукъ на что ужъ лихъ,
Честь отдалъ русскимъ эполетамъ.

Смирились турки и славянъ
Не угнетать намъ обѣщали
Умолкъ турецкій барабанъ,
Въ ножнахъ—турецкій ятаганъ...
И мы въ Россію зашагали...

Пришли домой... Отъ славныхъ дѣлъ
Полкъ отдыхалъ у Брестъ-Литовска
Потомъ въ Замостьѣ полкъ засѣлъ...
Но есть и отдыху предѣлъ,
И не въ почетѣ онъ у войска..

IX.

Невольню взоры на востокъ
Съ тоской Россія обращаетъ,—
Сибирскій путь, Артуръ далекъ,—

Страна богатая не впрокъ,
Когда по ней сосѣдь гуляеть...

И пагулялся... Въ гости къ намъ
Прислалъ всю армію Микадо...
Явился къ нашимъ берегамъ
Японскій флотъ, диктуеть намъ,
Чего и слушать то не надо...

У насъ въ Россіи много силъ,
Не на восточной лишь границѣ,
И тамъ насъ врагъ предупредилъ,—
У человѣка нѣтъ вѣдь силъ
Летать скорѣе вольной птицы;

Пока полки собрались, шли,—
Японецъ дѣйствовалъ на славу...
Мы побѣдить еще могли,
Да врагъ другой былъ не вдаль
И вынуть намъ поднесъ отраву...

Нашлись среди русскихъ бунтари
И Русь мутили безъ опаски
И отъ зари и до зари
Ихъ про свободу главари
Шептали глушья намъ сказки.

Повѣрилъ темный имъ народъ,
И всыхнулъ бунтъ... И сколько горя,
Стыда, позора и невзгодъ
Принесъ Россіи этотъ годъ.
И у себя внутри и съ моря...

Но Русь ослабить мудрено,—
Прошла надъ Русью непогода...
Смутить могли насъ, по дано
Народу русскому одно:

Любовь къ Царю и вѣра въ Бога,
А съ этимъ даромъ каждый шагъ
Ведетъ лишь къ славѣ и почету.

Хоть побѣдилъ насъ грозный врагъ,
Да понялъ, что лишь-липный шагъ,
И потеряешь всю работу,—

И миръ сѣбѣспитъ онъ заключить....
Нашъ полкъ былъ тоже двинутъ въ дѣло.
Да поздно слишкомъ.... Такъ и быть,
Хотѣлось намъ враговъ побить,
Да видно, время не приспѣло....

Но, хоть и не былъ полкъ въ бою,
Его питомцы отличались
И славу старую свою,
Съ врагомъ встрѣчаяся въ бою,
Они поддерживать старались....

Василій Рябовъ рядовой,
Теперь Россіи всей извѣстный,
Былъ Бородинцемъ,—какъ герой,
За честь страны своей родной
Жизнь отдалъ воинъ этотъ честный.

Онъ изъ запаса призванъ былъ
И въ полкъ зачисленъ былъ Чембарскій.
Онъ долга чести не забылъ
И славу вѣчную добылъ
Своей любовью къ службѣ Царской;

Одѣтъ китайцемъ, чтобъ къ врагамъ
Пробраться ближе, Рябовъ смѣло
Пошелъ къ ихъ лагерю, но тамъ
Врагамъ попался въ руки самъ,
Былъ схваченъ,—но не въ этомъ дѣло,

А въ томъ, что жизнь себѣ кунить
Измѣной подлой отказался,
Его хотѣли подкупить,
Но онъ, желая честнымъ быть,
Солдатомъ русскимъ оставался

И, на вопросы о войскахъ,
О томъ, гдѣ стали аши силы
И много ли людей въ полкахъ,—
Онъ лишь молчалъ,—не вырвалъ страхъ
Изъ устъ ни слова до могилы.

Нашъ Рябовъ умеръ, какъ герой,
Сказавъ: „прости страна родная!
Я смерти ждалъ, идя на бой.
Да здравствуетъ нашъ Царь родной
И наша Родина Святая!“

И вотъ, нашъ полкъ идетъ домой....
А жалко,—полкъ на бой готовый
Былою славой боевой
Былъ гордъ еще, и новый бой
Лишь подарилъ бы славой новой....

Но дѣлать нечего,—приказъ,
Какія могутъ быть тутъ рѣчи.
На бой мы шли не въ первый разъ,
Не удалось на этотъ разъ,
Въ другой съ врагомъ дождемся встрѣчи.

А. Скринъ.

